

Научная статья

УДК 343.8

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.008

Принудительное питание и искусственное кормление осужденных: спор о терминах или различие по существу

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ АВДЮХИНМосковский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, s.avdyukhin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9265-2891>

Реферат

Введение: в статье рассматривается вопрос о возможности замены термина «принудительное питание», используемого в ч. 4 ст. 101 УИК РФ, термином «искусственное кормление», закрепленным в ряде международных документов. *Результаты:* термин «искусственное кормление» по своей природе является медицинским (неправовым) и включает в себя несколько возможных способов питания человека неестественным путем как запрещенных международными актами, так и разрешенных. При этом в декларациях Всемирной медицинской ассоциации (ВМА), специально регулирующих действия врачей в ситуациях, когда осужденные отказываются принимать пищу, под принудительным питанием понимается любое искусственное кормление осужденного, осуществляемое помимо его воли. В этой связи включение в УИК РФ термина «искусственное кормление» без изменения существа отечественного регулирования рассматриваемой проблемы является нецелесообразным, поскольку такое изменение все равно не позволит обеспечить соответствие отечественного законодательства рекомендациям ВМА, а термин «искусственное кормление» не способен в полной мере передать смысл установленного в ч. 4 ст. 101 УИК РФ института. Несмотря на то что хотя принудительное питание может причинять осужденным физические и нравственные страдания, а также посягать на автономию их личности, фундаментальное изменение существующего регулирования и исключение из законодательства возможности принудительного питания осужденных, осуществляемого помимо их воли, должны быть признаны нецелесообразными, поскольку существование института принудительного питания в отечественной правовой системе направлено на обеспечение исполнения государством своей обязанности по охране жизни и здоровья лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях, и достижение цели исправления осужденных.

Ключевые слова: принудительное питание; искусственное кормление; питание осужденных; международные стандарты; пенитенциарная медицина; лишение свободы; цели уголовно-исполнительного законодательства.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Авдюхин С. А. Принудительное питание и искусственное кормление осужденных: спор о терминах или различие по существу // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 289–296. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.008.

Original article

Forced Feeding and Artificial Feeding of Convicts: Terminological Dispute or Substantive Difference

SERGEI A. AVDYUKHIN

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, s.avdyukhin@yandex.ru, 0009-0006-9265-2891

Abstract

Introduction: the article discusses the possibility of replacing the term “forced feeding”, used in Part 4 of Article 101 of the Penal Code of the Russian Federation, with the term “artificial feeding”,

enshrined in a number of international documents. *Results*: the term “artificial feeding” is by its nature medical (non-legal) and includes several possible ways of feeding a person in an unnatural way: both prohibited by international acts and permitted by them. At the same time, in the declarations of the World Medical Association (WMA), which specifically regulate the actions of doctors in situations where convicts refuse to take food, “forced feeding” refers to any artificial feeding of a convict carried out against his/her will. In this regard, the inclusion of the term “artificial feeding” in the Penal Code of the Russian Federation without changing the essence of domestic regulation of the problem under consideration is pointless, since such a change will still not ensure compliance of domestic legislation with the WMA recommendations, and the term “artificial feeding” does not fully convey the meaning of the institution established in Part 4 of Article 101 of the Penal Code of the Russian Federation. At the same time, although forced feeding can cause physical and moral suffering to convicts, as well as encroach on the autonomy of their personality, it seems inappropriate to exclude the possibility of forced feeding of convicts from legislation, since the institution of forced feeding in the domestic legal system lets the state fulfil its duty to protect the life and health of persons in penitentiary institutions and achieve the goal of correcting convicts.

Keywords: forced feeding, artificial feeding, nutrition of convicts, international standards, penitentiary medicine, deprivation of liberty, goals of penal legislation.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Avdyukhin S.A. Forced feeding and artificial feeding of convicts: terminological dispute or substantive difference. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 289–296. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.008.

Введение

Институт принудительного питания осужденных по медицинским показаниям, установленный в ч. 4 ст. 101 УИК РФ и во многом не соответствующий зарубежным подходам к правовому регулированию ситуаций, когда осужденные отказываются принимать пищу, продолжает вызывать споры в среде отечественных ученых-пенитенциаристов. При этом предметом обсуждения становится не только содержание названного правового института, но и термин, используемый для его наименования. Так, И. А. Давыдова, И. Н. Коробова и А. Н. Сиряков считают термин «принудительное питание» противоречивым и не в полной мере соответствующим требованиям международных правовых актов и предлагают заменить его термином «искусственное кормление», который, по мнению указанных авторов, является более корректным и отражающим требования международных документов [1, с. 142].

В настоящей статье мы рассмотрим то, как термины «принудительное питание» и «искусственное кормление» понимаются в отечественной и зарубежной литературе и международных правовых актах, чтобы понять, является ли вопрос о возможной замене одного понятия другим исключительно спором о терминах либо между этими понятиями действительно имеется сущностное различие. С учетом существующих различий в отечественном и зарубежном подходах к правовому регулированию действий сотрудников органов исполнения наказаний в случае отказа осужденных принимать пищу нами будет дана оценка целесообразности включения в отечественное законодательство термина «искусственное кормление».

Методология

Основные положения настоящей статьи базируются на трудах российских и зарубежных ученых, рекомендациях ВМА, положениях международных стандартов ООН, Совета Европы, а также решениях Европейского суда по правам человека. При этом уч-

тено то обстоятельство, что Российская Федерация с 16 марта 2022 г. выбыла из Совета Европы и прекратила свое участие в ряде европейских конвенций. Как констатировал В. И. Селиверстов, это привело к ослаблению влияния международно-правового фактора на уголовно-исполнительное законодательство и практику исполнения лишения свободы [2, с. 21–22]. Ослабило влияние, но не исключило. Поэтому выбытие России из Совета Европы не должно препятствовать научному анализу законодательных и правоприменительных проблем с опорой на европейские правозащитные решения. Следует исходить из заявления Министерства иностранных дел Российской Федерации от 15.03.2022 «О запуске процедуры выхода из Совета Европы», согласно которому «за эти годы совместными усилиями многое удалось сделать для развития российского законодательства и правоприменительной практики, укрепления системы обеспечения прав человека в нашей стране, в том числе путем внедрения норм Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) и практики Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) в российское законодательство». В связи с этим «продолжится выполнение уже принятых постановлений Европейского суда по правам человека, если они не противоречат Конституции Российской Федерации» [3].

Основная часть

В отечественной литературе термин «искусственное кормление» обычно рассматривается как сугубо медицинский, а потому не требующий отражения в правовом регулировании. Так, А. П. Скиба и А. А. Павленко указывают на то, что в медицине при невозможности естественного питания (через рот) используется термин «искусственное кормление», которое включает в себя несколько способов (путей) введения питательных веществ в организм: 1) энтерально (через желудочный или нозогастральный зонд); 2) парентерально (внутривенно или внутримышечно, минуя желудочно-кишечный тракт); 3) с помощью питательной (капельной) клизмы (данный

способ применяется как вспомогательный (дополнительный к другим способам) и предназначен для введения большого количества жидкости в организм [4, с. 145].

Соответственно, принудительное питание осужденных с медицинской точки зрения всегда является искусственным кормлением, и данный факт, по мнению большинства отечественных ученых, в силу своей очевидности не требует специального отражения в нормах законодательства. Однако, как уже упоминалось выше, в международных правовых актах постепенно выработалась позиция о наличии существенных различий между принудительным питанием и искусственным кормлением и необходимости закрепления в национальном правовом регулировании именно последнего термина.

Так, в 1975 г. 29-й Генеральной ассамблеей Всемирной медицинской ассоциации (ВМА) была принята Токийская декларация, содержащая в себе рекомендации по позиции врачей относительно пыток, наказаний и других мучений, а также негуманного или унижительного лечения в связи с арестом или содержанием в местах заключения. В данном международном документе в п. 8 впервые была закреплена позиция о недопустимости применения искусственного кормления в отношении лиц, отказавшихся принимать пищу и способных при этом здраво и рационально судить о последствиях своего решения [5].

Данный подход получил свое развитие в Мальтийской декларации ВМА относительно объявивших голодовку (п. 8), принятой на 43-й Генеральной ассамблее ВМА в 1991 г. и впервые проведенной границу между принудительным питанием и искусственным кормлением [6, п. 13].

При этом формулировки Мальтийской декларации ВМА в редакции 2006 г. оставляли государствам – участникам ассоциации некоторое поле для свободы истолкования документа: с одной стороны, декларация прямо допускала возможность искусственного кормления участника голодовки лишь в тех ситуациях, когда проведение подобной медицинской манипуляции не вступает в противоречие с явно выраженной волей такого лица. С другой стороны, декларация запрещала принудительное питание, однако не давала определения данному понятию и устанавливала прямой запрет на осуществление кормления осужденных лишь тогда, когда оно сопровождалось применением методов физического или психического насилия в отношении осужденного либо имело целью оказать воздействие на других осужденных.

Таким образом, одно из возможных толкований Мальтийской декларации ВМА состояло в том, что оно допускало применение искусственного кормления осужденных и в тех случаях, когда оно противоречит явно выраженной воле осужденного, однако осуществляется без применения к нему методов физического либо психического воздействия (например, в ситуации, когда осужденный, объявивший голодовку, находится без сознания либо настолько слаб физически, что не способен оказать сопротивление персоналу, осуществляющему его искусственное кормление).

По всей видимости, авторы предложения о необходимости включения в российское законодательство термина «искусственное кормление» руководствовались именно таким толкованием текста приведенного международного документа. Так, в своей статье И. А. Давыдова, И. Н. Коробова и А. Н. Сиряков указывают на то, что «предлагаемый термин будет обозначать такое кормление, которое осуществляется с целью поддержания жизни осужденных, *может применяться помимо их воли* (курсив наш. – С. А.), но без использования пыточных методов, унижения и насилия» [1, с. 148].

Между тем последующие изменения, внесенные в текст Мальтийской декларации 68-й Генеральной ассамблеей Всемирной медицинской ассоциации в 2017 г., показали сомнительность приведенного подхода к толкованию текста данного документа. Так, в 2017 г. текст декларации был дополнен следующим положением (п. 23): «Все виды вмешательства для энтерального или парэнтерального кормления против воли психически здорового голодающего лица следует рассматривать в качестве принудительного питания (forcedfeeding). Принудительное питание никогда не является этически допустимым» [7].

Кроме того, в п. 21 Мальтийской декларации впервые было указано на то, что ректальная гидратация, то есть обеспечение поступления жидкости в организм через прямую кишку при помощи питательной клизмы, в любом случае (вне зависимости от воли пациента) не должна являться способом искусственного кормления (artificialfeeding) [7].

Приведенные поправки к Мальтийской декларации, принятые в 2017 г., позволяют сделать вывод, что позиция Всемирной медицинской ассоциации относительно соотношения терминов «искусственное кормление» и «принудительное питание» в сущности не противоречит подходу, принятому в отечественной правовой науке: термин «искусственное кормление» является медицинским и охватывает собой все возможные способы осуществления данной медицинской манипуляции, в то время как термин «принудительное питание» по своей природе является не медицинским, а правовым и охватывает собой искусственное кормление, осуществляемое против воли лица, в отношении которого оно применяется.

При этом путем принятия поправок 2017 г., уточнивших содержание терминов «искусственное кормление» и «принудительное питание», ВМА четко обозначила свою позицию в отношении искусственного кормления, осуществляемого хотя и против воли голодающего лица, однако без применения к нему какого-либо насилия: с точки зрения ассоциации, любое искусственное кормление, осуществляемое против явно выраженной воли голодающего осужденного, представляет собой принудительное питание и должно быть запрещено.

Визуально позиция Всемирной медицинской ассоциации относительно соотношения понятий «искусственное кормление» и «принудительное питание» и этической приемлемости применения различных видов искусственного кормления может быть представлена следующим образом (табл).

Способы искусственного кормления осужденных (позиция ВМА)

Искусственное кормление		
Способ 1 (энтерально)	Способ 2 (парэнтерально)	Способ 3 (питательная клизма)
Этически приемлемо, если: – имеется согласие участника голодовки; – участник голодовки не способен выразить свою волю, предварительно выраженный запрет на применение искусственного кормления отсутствует		Этически неприемлемо вне зависимости от воли участника голодовки
Этически неприемлемо, если противоречит явно выраженной воле участника голодовки – принудительное питание		

Вышеизложенное в совокупности позволяет понять, что предложенная И. А. Давыдовой, И. Н. Коробовой и А. Н. Сиряковым замена используемого в ч. 4 ст. 101 УИК РФ термина «принудительное питание» на термин «искусственное кормление», понимаемый как кормление, применяемое помимо воли осужденного, но без использования пыточных методов, унижения и насилия, не позволит решить задачу, поставленную авторами, – обеспечить соответствие отечественного регулирования действий сотрудников органов исполнения наказаний в ситуации, когда осужденные отказываются принимать пищу, требованиям международных правовых актов.

При таких обстоятельствах предложение о необходимости подобной замены (исключения из норм действующего законодательства термина «принудительное питание» без исключения самой возможности кормления осужденного, осуществляемого против его воли) представляет собой не более чем развитие спора о терминах и не может быть признано целесообразным. Приведем два дополнительных довода в подтверждение данного вывода.

Во-первых, термин, выбранный для наименования какого-либо явления, должен наиболее точно отражать смысл (существо) данного явления. Толковый словарь русского языка определяет значение прилагательного «принудительный» как совершаемый, осуществляемый не по доброй воле, насильно, по принуждению, а прилагательного «искусственный» – как подобный природному, заменяющий что-либо естественное [8]. При этом представляется очевидным, что в абсолютном большинстве случаев искусственное кормление осужденного, объявившего голодовку и не прекратившего ее вплоть до возникновения у него состояния угрозы жизни, осуществляется вопреки воле такого осужденного и с использованием тех или иных методов принуждения (то есть по своей сути является принудительным). Именно это обстоятельство, а не тот факт, что подобная медицинская манипуляция заменяет собой естественный способ питания, является ключевым признаком рассматриваемого явления, характеризующим его с юридической, а не с медицинской точки зрения. В этой связи именно термин «принудительное питание» лучше всего отражает содержание правового института, установленного в ч. 4 ст. 101 УИК РФ.

Во-вторых, вопреки позиции И. А. Давыдовой, И. Н. Коробовой и А. Н. Сирякова использование в национальном законодательстве термина «принудительное питание» не исключает возможность при-

ведения рассматриваемого правового института в соответствие с требованиями международных правовых актов, в том числе требованием о недопустимости унижающего достоинство обращения с осужденными. Так, в зарубежной литературе отмечается, что содержание термина «принудительное питание», используемого в решениях ЕСПЧ, не отличается существенно от содержания термина «искусственное кормление», используемого в документах Всемирной медицинской ассоциации. Так, указывая в текстах своих решений на недопустимость использования некоторых насильственных методов кормления и необходимость ограничения области применения искусственного кормления осужденных исключительно случаями возникновения угрозы их жизни, Европейский суд использует термин «принудительное питание» (force-feeding) в отношении тех случаев кормления осужденных, осуществляемого против их воли, которые суд счел отвечающими требованиям Европейской конвенции о правах человека [9, с. 29].

Таким образом, включение в отечественное пенитенциарное законодательство термина «искусственное кормление» может быть признано целесообразным лишь в случае фундаментального изменения отечественного подхода к регулированию рассматриваемой проблемы и полного отказа от принудительного питания осужденных, осуществляемого против их воли, то есть в случае приведения национального законодательства в соответствие с требованиями Всемирной медицинской ассоциации (участником которой Российская Федерация не является). Однако являются ли подобные фундаментальные изменения необходимыми для России?

Ответ на данный вопрос необходимо начать с исследования мотивов, побудивших Всемирную медицинскую ассоциацию дать рекомендацию о полном запрете принудительного питания осужденных, осуществляемого против их воли. Анализ текстов Токийской и Мальтийской деклараций ВМА позволяет выделить два таких мотива.

Во-первых, запрет на принудительное кормление (равно как и любое иное лечение) осужденных, осуществляемое против их воли, рассматривается ВМА в качестве гарантии реализации права осужденных на достоинство личности. Так, в п. 7 Токийской декларации ВМА прямо говорится о том, что «основополагающая функция врача состоит в облегчении страданий себе подобных, и никакие побуждения личного, общественного или политического характера не могут преобладать над этой важнейшей задачей» [5].

Та же логика (упор на необходимость соблюдения достоинства личности) прослеживается и в Мальтийской декларации ВМА (п. 20), прямо указывающей на то, что «с этической точки зрения лучше позволить человеку умереть достойно (курсив наш. – С. А.), чем подвергать его неоднократным вмешательствам против его воли» [7].

Вторым побудительным мотивом, учет которого при выработке рекомендаций ВМА явно прослеживается при изучении текстов рассматриваемых деклараций, послужила необходимость уважения автономии воли осужденного. Так, в п. 5 Мальтийской декларации ВМА говорится следующее: «Врачи должны уважать автономию (курсив наш. – С. А.) лиц, способных к принятию самостоятельных решений, даже если это, как ожидается, приведет к причинению вреда» [7].

Следует отметить, что приведенный подход, основанный на приоритетной охране достоинства и автономии воли осужденного, весьма распространен в зарубежной литературе. При этом совсем не случайным является то, что описанная выше позиция о необходимости полного запрета принудительного кормления осужденных, осуществляемого помимо их воли, возникла именно во Всемирной медицинской ассоциации, то есть в рамках профессионального объединения врачей (международной неправительственной организации). Так, исследователи справедливо отмечают, что приведенные принципы проистекают в основном из исследований в области биоэтики, а не юриспруденции, и отнюдь не в полной мере отражаются в национальных законодательствах и практике межгосударственных органов [10, с. 15].

Так, изучение практики ЕСПЧ, список стран – участниц которого во многом перекликается со списком государств, представители которых участвуют в деятельности ВМА, позволяет сделать вывод о невозможности разрешения рассматриваемой проблемы исключительно с опорой на наличие у человека прав на достоинство личности, личную неприкосновенность и автономию воли в отрыве от охраны других прав и свобод, предусмотренных Европейской конвенцией 1950 г., в частности права на жизнь, гарантированного ст. 2 указанной конвенции.

Так, вопрос о допустимости принудительного питания осужденных с точки зрения соблюдения требований ЕКПЧ являлся предметом рассмотрения Европейской комиссии по правам человека (предшественницы Европейского суда) еще в 1984 г. в рамках дела «Х. против Германии». В своем решении Европейская комиссия не стала отрицать тот факт, что принудительное питание осужденных содержит в себе элементы, унижающие достоинство личности. Одновременно с этим комиссия указала на неизбежность возникновения в таких ситуациях противоречия между правом лица на личное достоинство и физическую неприкосновенность и вытекающей из ст. 2 Конвенции обязанности государства – участника Конвенции по совершению позитивных действий, направленных на спасение жизни лица, помещенного в пенитенциарное учреждение. По результатам рассмотрения дела комиссия пришла к выводу, что,

осуществляя принудительное питание осужденного, власти Германии «действовали исключительно в интересах заявителя», и признала данную практику не противоречащей требованиям Европейской конвенции [11].

В еще более категоричной форме позицию о приоритете обязанности государства по сохранению жизни осужденного (ст. 2 Европейской конвенции) перед соблюдением права осужденного на достоинство личности (ст. 3 Европейской конвенции) ЕСПЧ высказал в 2005 г. при рассмотрении дела «Невмержицкий против Украины» (п. 94): «Мера, которая является терапевтически необходимой с точки зрения общепризнанных принципов медицины в принципе не может рассматриваться как бесчеловечная и унижающая человеческое достоинство. То же самое можно сказать и о принудительном кормлении, направленном на спасение жизни конкретного заключенного, который отказывается принимать пищу» [12].

Стоит отметить, что столь твердую позицию относительно возможности нарушения автономии воли и личной неприкосновенности осужденных, в том числе с использованием методов, содержащих в себе унижающие человеческое достоинство элементы, ЕСПЧ занял в том числе ввиду того, что суд последовательно отстаивает позицию относительно возложения на государство повышенной ответственности за жизнь и здоровье лиц, находящихся в учреждениях пенитенциарной системы. Так, например, упоминания об «особой ответственности» государства за благополучие таких лиц и «более жестких обязательствах» государства по защите их жизни можно найти в тексте Постановления Европейского суда по делу «Претти против Соединенного Королевства» (п. 14) [13].

Следует отметить, что приведенная позиция о повышенной ответственности государства за сохранение жизни и здоровья лиц, помещенных в пенитенциарные учреждения, как одном из оснований для существования в законодательстве института принудительного питания осужденных, применяемого против их воли, находит свое отражение и в отечественной литературе: «По общему правилу это право каждого человека – принимать решение самостоятельно, хочет он жить или нет, хочет он есть или нет. Однако, изолируя преступника от общества и помещая его в специальное учреждение, государство берет на себя обязанность не только исполнить наказание, но и сохранить при этом его здоровье» [4, с. 41].

Равным образом в отечественном правопорядке (в том числе в международных актах, участниками которых Российская Федерация является) находит свое отражение и позиция о том, что самого факта причинения осужденному лицу физических либо нравственных страданий еще недостаточно для вывода о нарушении права на достоинство личности такого лица, в том числе для вывода, что в отношении данного лица применяется пытка.

Так, в ст. 1 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания 1984 г. под пыткой понимаются «действия, которыми какому-либо лицу умышленно причиняется сильная

боль или страдание, физическое или нравственное». При этом в той же статье Конвенции оговаривается, что «в определение пытки не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимых от этих санкций или вызываемых ими случайно».

Равным образом ст. 7 УК РФ, раскрывающая содержание принципа гуманизма, указывает на то, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, *не могут иметь своей целью* (курсив наш. – С. А.) причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Толкование приведенных положений позволяет понять, что, как физические страдания, так и действия, в той или иной степени унижающие человеческое достоинство, являются имманентной составляющей такого вида уголовного наказания, как лишение свободы. Исполнение значительной части норм, образующих собой режимные требования к осужденным к лишению свободы (например, ограничение свободы передвижения пределами одной камеры (для осужденных, содержащихся в помещениях камерного типа), ношение одежды установленного образца, необходимость регулярно подвергаться личному досмотру), причиняет осужденным как физические, так и нравственные страдания. Однако данные режимные требования не рассматриваются в качестве мер, посягающих на личное достоинство осужденных, поскольку цель существования данных норм в уголовно-исполнительном законодательстве состоит не в причинении осужденным таких страданий, а в достижении установленных законом целей наказания.

Вышеизложенное в совокупности свидетельствует о том, что факт причинения осужденному к лишению свободы, отказавшемуся принимать пищу, физических либо нравственных страданий в ходе принудительного питания, имеющего целью сохранение ему жизни, не может рассматриваться в качестве нарушения права на достоинство личности, а потому не должен становиться поводом для исключения института принудительного питания, осуществляемого против воли осужденного, из отечественного законодательства.

Схожий вывод можно сделать и относительно аргумента о том, что принудительное питание нарушает автономию воли осужденного.

Так, В. И. Селиверстов справедливо указывает на то, что отечественное уголовно-исполнительное законодательство исходит из патерналистского (отцовского) подхода государства к своим гражданам (применительно к уголовно-исполнительному праву – к осужденным), что ярко проявляется в провозглашении исправления осужденных (то есть формирования у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирования их правопослушного поведения) в качестве одной из основных целей уголовно-исполнительного законодательства [14, с. 407].

Вместе с тем следует отметить, что закрепление исправления осужденных в качестве основной цели

уголовно-исполнительного законодательства в ч. 2 ст. 1 УИК РФ в полной мере соответствует требованиям международных правовых актов, участником которых является Российская Федерация. Так, ч. 3 ст. 10 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. устанавливает, что «пенитенциарной системой предусматривается режим для заключенных, существенной целью которого является их исправление и социальное перевоспитание». Поэтому сохранение исправительной направленности отечественного уголовно-исполнительного законодательства исключает возможность отказа от института принудительного питания осужденных, применяемого против их воли.

Так, провозглашая исправление осужденных в качестве одной из основных целей уголовно-исполнительного законодательства и установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим) в качестве одного из основных средств исправления осужденных, государство существенно ограничивает действие автономии личности в пенитенциарной сфере. Режимные требования почти всеобъемлющим образом регламентируют жизнедеятельность осужденных к лишению свободы, не предполагая при этом необходимость учета воли осужденного относительно соблюдения данных требований. В этом смысле тот факт, что принудительное питание осужденных к лишению свободы осуществляется вне зависимости от воли самих осужденных, в полной мере вписывается в общую модель правоотношений, сложившихся между осужденными и сотрудниками учреждений уголовно-исполнительной системы.

При этом целый ряд исследователей-пенитенциаристов указывают на то, что сознательный отказ осужденного к лишению свободы от приема пищи образует собой нарушение режима отбывания наказания со стороны осужденного [15, с. 81; 16, с. 221; 17, с. 119]. Вне зависимости от того, образует ли отказ от приема пищи нарушение какого-либо конкретного положения режимных требований, представляется очевидным, что непринятие мер, направленных на предотвращение смерти осужденного, отказывающегося принимать пищу, исключает возможность дальнейшего достижения цели его исправления.

Таким образом, факт нарушения автономии воли осужденного, подвергающегося принудительному питанию, не входит в противоречие с основополагающими положениями отечественного уголовно-исполнительного права, основанного на патерналистском подходе и сохраняющего исправительную направленность по отношению к осужденным.

Вышеизложенное в совокупности позволяет понять, что ни возможность причинения физических либо нравственных страданий осужденным, подвергаемым принудительному питанию, ни нарушение их личностной автономии не могут служить достаточными аргументами для исключения положения о принудительном питании осужденных, отказывающихся от приема пищи, вне зависимости от направленности их воли из отечественного законодательства. В этой связи замена используемого в ч. 4 ст. 101 УИК РФ термина «принудительное питание» на термин «ис-

кусственное кормление», приведенный в документах Всемирной медицинской ассоциации, также является нецелесообразной.

Выводы

Термин «искусственное кормление» по своей природе является медицинским (неправовым) и может обозначать несколько возможных способов питания человека неестественным путем как запрещенных международными актами, так и разрешенных ими. При этом в Мальтийской декларации ВМА, специально регулирующей действия врачей в ситуациях, когда осужденные отказываются принимать пищу, под принудительным питанием понимается любое искусственное кормление осужденного, осуществляемое помимо его воли. В этой связи включение в УИК РФ термина «искусственное кормление» без изменения существа отечественного регулирования рассматриваемой проблемы является нецелесообразным, поскольку такое изменение все равно не позволит

обеспечить соответствие отечественного законодательства рекомендациям ВМА, а термин «искусственное кормление» не способен в полной мере передать смысл установленного в ч. 4 ст. 101 УИК РФ института. Несмотря на то что принудительное питание может причинять осужденным физические и нравственные страдания, а также посягать на автономию их личности, фундаментальное изменение существующего регулирования и исключение из законодательства возможности принудительного питания осужденных, осуществляемого помимо их воли, также должны быть признаны нецелесообразными, поскольку существование института принудительного питания в отечественной правовой системе направлено на обеспечение исполнения государством своей обязанности по охране жизни и здоровья лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях, и достижение цели исправления осужденных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Давыдова И. А., Коробова И. Н., Сиряков А. Н. Права осужденных и принудительное питание: национальные и международные подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. № 1. С. 142–157.
2. Селиверстов В. И. Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства в современных условиях: основные факторы и направления // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1. С. 19–29.
3. Заявление МИД РФ «О запуске процедуры выхода из Совета Европы» от 15.03.2022. URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1804379&lang=ru> (дата обращения: 29.06.2024).
4. Принудительное питание осужденных к лишению свободы / под науч. ред. А. П. Скибы ; под общ. ред. А. А. Крымова. М., 2018. 175 с.
5. WMA Declaration of Tokyo – Guidelines for Physicians Concerning Torture and other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment in Relation to Detention and Imprisonment. URL: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-tokyo-guidelines-for-physicians-concerning-torture-and-other-cruel-inhuman-or-degrading-treatment-or-punishment-in-relation-to-detention-and-imprisonment/> (дата обращения: 09.06.2024).
6. WMA Declaration of Malta on Hunger Strikers (revised by the 57th WMA general Assembly, October 2006). URL: https://elearning.icrc.org/detention/en/story_content/external_files/Malta%20Declaration.pdf (дата обращения: 09.06.2024).
7. WMA Declaration of Malta on Hunger Strikers (revised by the 68th WMA general Assembly, October 2017). URL: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-malta-on-hunger-strikers/> (дата обращения: 09.06.2024).
8. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М., 2000. 1210 с.
9. Elkayam-Levy C. Facing the Human Rights Challenge of Prisoners' and Detainees' Hunger Strikes at the Domestic Level: Guidance for Policy-Makers, Government Officials, and Legal Advisors in the Management of Hunger Strikes. URL: <https://archive.org/details/facing-the-human-rights-challenge-of-pri/page/2/mode/2up> (дата обращения: 23.06.2024).
10. Garcíá-Guerrero J. Hunger-striking in prisons: ethics and the ethical and legal aspects // Revista Española de Sanidad Penitenciaria. 2013. Vol. 15, no. 1. Pp. 8–15.
11. Постановление по делу «X. против Германии» // Британский сборник постановлений и решений Европейского суда по правам человека EHRR. 1984. Т. 7. С. 152.
12. Постановление по делу «Невмержицкий против Украины» (жалоба № 54825/00). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22appno%3A%3A%5B%5D%2C%22itemid%3A%3A%5B%5D%7D> (дата обращения: 23.06.2024).
13. Постановление по делу «Претти против Соединенного Королевства» (жалоба № 5129/03). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/ru#%7B%22fulltext%3A%3A%5B%5D%7D> (дата обращения: 23.06.2024).
14. Селиверстов В. И. Исправление или ресоциализация осужденных: спор о терминах или изменение сущности // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов: Избранные материалы. М., 2016. С. 399–409.
15. Новиков Е. Е. О некоторых особенностях правового положения осужденных, в отношении которых применяется принудительное питание // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 2 (28). С. 79–87.
16. Скиба А. П., Родионов А. В. Правовое положение осужденных к лишению свободы при их принудительном питании // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 216–234.
17. Шаповалов В. С. О некоторых аспектах проблемы принудительного питания осужденных // Актуальные вопросы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы. Псков, 2021. С. 115–120.

REFERENCES

1. Davydova I.A., Korobova I.N., Siryakov A.N. Rights of convicted person in forced feeding: national and international approaches. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2022, no. 1, pp. 142–157. (In Russ.).

2. Seliverstov V.I. Enhancing the penal legislation in modern conditions: key factors and directions. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 19–29. (In Russ.).
3. Zayavlenie MID RF “O zapuske protsedury vykhoda iz Soveta Evropy” ot 15.03.2022 g. [Statement of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation “On launching the procedure for withdrawal from the Council of Europe” of March 15, 2022]. Available at: <https://www.mid.ru/tv/?id=1804379&lang=ru> (accessed June 29, 2024).
4. *Prinuditel'noe pitanie osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [Forced feeding of persons sentenced to imprisonment]. Moscow, 2018. 175 p.
5. *WMA Declaration of Tokyo – Guidelines for Physicians Concerning Torture and other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment in Relation to Detention and Imprisonment*. Available at: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-tokyo-guidelines-for-physicians-concerning-torture-and-other-cruel-inhuman-or-degrading-treatment-or-punishment-in-relation-to-detention-and-imprisonment/> (accessed June 9, 2024).
6. *WMA Declaration of Malta on Hunger Strikers (revised by the 57th WMA General Assembly, October 2006)*. Available at: https://elearning.icrc.org/detention/en/story_content/external_files/Malta%20Declaration.pdf (accessed June 9, 2024).
7. *WMA Declaration of Malta on Hunger Strikers (revised by the 68th WMA general Assembly, October 2017)*. Available at: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-malta-on-hunger-strikers/> (accessed June 9, 2024).
8. Efremova T.F. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formation]. Moscow, 2000. 1,210 p.
9. Elkayam-Levy Cochav. Facing the human rights challenge of prisoners' and detainees' hunger strikes at the domestic level: guidance for policy-makers, government officials, and legal advisors in the management of hunger strikes (September 10, 2015). *Harvard International Law Journal*, vol. 57, 2015.
10. J Garci -Guerrero. Hunger-striking in prisons: ethics and the ethical and legal aspects. *RevEspSanidPenit*, 2013, no. 15, pp. 8–15.
11. Ruling on the case “H. v. Germany” (1984). In: *Britanskii sbornik postanovlenii i reshenii Evropeiskogo suda po pravam cheloveka EHRR* [British collection of judgments and decisions of the European Court of Human Rights]. vol 7. P. 152. (In Russ.).
12. *Postanovlenie po delu “Nevmerzhtskii protiv Ukrainy” (zhaloba No. 54825/00)* [Ruling on the case “Nevmerzhtskii v. Ukraine” (complaint No. 54,825/00)]. Available at: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"appno":\["54825/00"\],"itemid":\["001-68715"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{) (accessed June 23, 2024).
13. *Postanovlenie po delu “Pretty protiv Soedinennogo Korolevstva” (zhaloba No. 5129/03)* [Ruling on the case “Pretty v. the United Kingdom” (complaint No. 5,129/03)]. Available at: [https://hudoc.echr.coe.int/ru#{"fulltext":\["Pretty"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/ru#{) (accessed June 23, 2024).
14. Seliverstov V.I. Correction or re-socialization of convicts: dispute about terms or a change in essence. In: *Shestoi Permskii kongress uchenykh-yuristov: Izbrannye materialy* [Sixth Perm Congress of Legal scientists: Selected materials]. Moscow, 2016. Pp. 399–409. (In Russ.).
15. Novikov E.E. features of the legal status of convicts, in respect of whom forced feeding is used. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*. 2018, no. 2 (28), pp. 79–87. (In Russ.).
16. Skiba A.P., Rodionov A.V. Legal status of prisoners sentenced to deprivation of freedom during forced feeding. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Higher School of Economics Journal*, 2018, no. 4, pp. 216–234. (In Russ.).
17. Shapovalov V.S. On some aspects of the problem of forced feeding of convicts. In: *Aktual'nye voprosy obespecheniya bezopasnosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* [Current issues of ensuring the security of the penal system]. Pskov, 2021. Pp. 115–120. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ АВДЮХИН – магистрант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, s.avdyukhin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9265-2891>

SERGEI A. AVDYUKHIN – Master’s Student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, s.avdyukhin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9265-2891>

Статья поступила 30.06.2024